

Экзамен юаньши длился три дня и проходил в два этапа.

В течение этих трех дней кандидатам запрещалось покидать свои каморки. Это означало, что есть, пить, спать и справлять нужду придется в этом крохотном пространстве.

Е Цзюньшу, оглядев «апартаменты», глубоко вздохнул. Десять лет мучений за книгами у холодного окна — это не так страшно. Самое жуткое — это время самих экзаменов... А ведь впереди еще провинциальные и столичные испытания. Что ж, «вкусив горечь из всех горечей, станешь человеком над людьми».

Е Цзюньшу осмотрелся. У одной стены на двух скамьях лежали три доски, заменявшие кровать. Сверху — сложенное тонкое одеяло. Ширина этой лежанки была такова, что Е Цзюньшу вряд ли смог бы на ней перевернуться. Да и длина подкачала: по прикидкам Цзычжоу, ему придется спать, подогнув колени.

Рядом стоял квадратный стол и масляная лампа — здесь ему предстояло работать все три дня.

В углу стояло ведро для нужд. К счастью, с крышкой, иначе Е Цзюньшу всерьез сомневался бы, выдержит ли его обоняние.

Наверху каморки было открытое слуховое окно, а со стороны коридора — еще одно окно, подпертое деревянным шестом, прямо напротив окна соседа.

Напротив сидел незнакомый кандидат. Е Цзюньшу понятия не имел, куда распределили шпиюна и остальных.

Он поставил ящичек на кровать и аккуратно разложил письменные принадлежности.

Вскоре стражники начали разносить экзаменационные листы.

Е Цзюньшу принял свои листы через окно, первым делом проверил их на наличие брака или повторов, а затем бегло просмотрел все задания.

Объем был внушительным, но Цзычжоу, прошедший в свое время через «тактику океана задач», ни капли не сомневался, что успеет всё закончить.

Изучив вопросы, он понял, что все они ему по зубам, и успокоился. Теперь всё зависело лишь от того, насколько глубоким и точным будет его ответ.

Первая часть экзамена включала задания «тецзин» и «мои» по «Четверокнижию» и «Пятикнижию» — по сути, заполнение пропусков в цитатах и краткие ответы на вопросы. Содержание канонов он знал наизусть, так что здесь проблем не возникло.

Главное ждало впереди: сочинение и стихи. Вот это был настоящий вес.

Сначала Е Цзюньшу делал наброски на черновике. С простыми вопросами он справился легко, но над заданиями посложнее пришлось поразмыслить.

Едва он определился с направлением мысли, как в окне послышался шум.

Оказалось, наступил полдень — стражники разносили обед.

Услышав, что они уже у соседа, Е Цзюньшу встал, размял затекшие руки и ноги и принял свою порцию.

Еда была пресной, почти вегетарианской, и по вкусу, конечно, не шла ни в какое сравнение с домашней. Глоталось с трудом. Но Е Цзюньшу проголодался и заставил себя съесть всё до последней крошки. Сейчас мозг работал на пределе, а такая нагрузка требует много энергии, так что нужно быть сытым. Он не привередничал, хотя невольно подумал о тех кандидатах, что привыкли к деликатесам — им сейчас приходилось несладко.

Победив, он выставил пустую посуду на подоконник, немного походил по каморке, чтобы утряслось, и прилег вздремнуть.

Он привык к жестким канам, так что доски его не пугали, пугало лишь ощущение, что они вот-вот треснут — из-за этого он боялся даже лишний раз шевельнуться.

Одеяло слегка отдавало сыростью. К счастью, погода стояла умеренная, так что Е Цзюньшу просто прикрыл им живот и забылся коротким сном.

После полудня, со свежими силами, он принялся за черновик сочинения и оды.

Раз инспектор — прагматик и не жалуется на вычурность, Е Цзюньшу решил писать в своем естественном стиле, не пытаясь подражать классической пышности. Чтобы придать работе глубину, он искусно вплетал цитаты из канонов, строго следя за количеством знаков.

Что касается стихов, задание было простым: написать семисловный уставной стих (люйши) на тему «Учение».

Е Цзюньшу заранее проанализировал темы прошлых лет и знал, что они всегда возвращаются вокруг природы, воспевания идеалов, прилежания в учебе или долга перед миром. Он уже написал немало стихов на эти темы и получал правки от учителя, так что просто выбрал лучший вариант, идеально подходящий под текущую задачу, и слегка его подправил.

Когда он закончил все задания, времени оставалось еще предостаточно.

Он потянулся, размял шею и талию, проделав небольшую зарядку, и тут заметил, что сосед напротив смотрит на него как на умалишенного.

Е Цзюньшу: «...»

Подошло время ужина. Поев, он увидел, что еще не стемнело, и принялся за чистовик.

Красота почерка в такие моменты сильно влияла на итоговый балл, так что Е Цзюньшу писал крайне сосредоточенно. Настолько, что даже не услышал какого-то переполоха в каморке неподалеку — истинный пример того, как человек «не слышит ничего, что творится за окном».

К ночи он закончил переписывать основную часть, оставив лишь сочинение и стихи. Свет масляной лампы был тусклым, и он решил не продолжать: времени было в избытке, задания он знал, так что мог позволить себе работать без спешки.

Он помассировал уставшие глаза, подождал, пока тушь на листах просохнет, и глянул на соседа — тот всё еще яростно строчил.

Убедившись, что чистовик высох, Е Цзюньшу бережно убрал его в ящик, поставил тот в изголовье и начал раздеваться ко сну.

Хоть жары не было, от долгого сидения в тесной клетушке он чувствовал себя «засаленным» и

грязным. Но условий для мытья в павильонах не было, так что оставалось только терпеть.

И это только первый день... На второй, небось, станет совсем невыносимо?

Е Цзюньшу задул лампу, лег на доски и закрыл глаза.

На второй день он проснулся по привычке с первыми лучами солнца. Увидев над собой грубый потолок, он не сразу сообразил, где находится.

Окончательно проснувшись, он привычно размялся и с полным запасом сил встретил второй день испытаний.

Утром он еще раз отредактировал сочинение, трижды проверив, не отошел ли от темы и достаточно ли глубока его мысль. Не найдя изъянов, он перенес текст на чистовик.

Когда всё было закончено, а тушь высохла, он проверил работу в последний раз. Убедившись, что всё в порядке, он аккуратно сложил листы и запечатал их в конверт.

Вскоре пришли стражники, чтобы собрать свитки. Е Цзюньшу сдал работу, и на этом первая половина экзамена завершилась. Вскоре после обеда стражники разнесли листы для второй половины испытания. Задания в этой части были более разнородными, а их объем — столь же внушительным. К тому же баллы за этот этап составляли 30% от общей оценки, так что расслабляться было нельзя.

Е Цзюньшу по привычке сначала проверил, все ли страницы на месте и четко ли пропечатаны иероглифы, а затем быстро просмотрел вопросы. Он нахмурился, и на душе стало тяжело. Для большинства кандидатов этот вариант был бы крайне сложным. С его точки зрения, в работе были две задачи на расчеты, которые вряд ли под силу многим. К счастью, сам он в свое время изучал высшую математику, так что какими бы сложными ни казались древние вычисления, для него они не были преградой. Математике он усердно обучал и шицзюна, так что при должном усердии и запасе времени тот тоже должен был справиться.

Больше всего Е Цзюньшу беспокоили вопросы по смежным дисциплинам — формулировки были туманными, и он не был до конца уверен, как именно на них отвечать. Стоило чуть ошибиться и отойти от темы — и пиши пропало. Он успокоил мысли и, пока растирал тушь, дал разуму немного отдохнуть. Сначала он быстро набросал на черновике ответы на те вопросы, в которых был уверен, и лишь затем принялся размышлять над трудными задачами.

К ужину он так и не смог окончательно выстроить логику ответов. Поев, Е Цзюньшу, как и прежде, сосредоточенно переписал на чистовик уже готовые решения и лег спать. Сколько людей в ту ночь ворочались с боку на бок, не в силах сомкнуть глаз, Е Цзюньшу не знал, но сам он стал одним из них. Лежа в темноте, он прокручивал в голове нерешенные задачи: как же всё-таки на них ответить? Опасаясь, что бессонница скажется на завтрашнем состоянии, он всё же заставил себя уснуть.

Ранним утром третьего дня Е Цзюньшу в спешке записывал ответы на черновик. Отдохнувший за ночь мозг выдал долгожданное озарение; боясь упустить искру вдохновения, он писал невероятно быстро. Когда все задания были выполнены, времени оставалось в обрез, и он без промедления принялся за переписывание.

Снаружи то и дело доносился какой-то шум — вероятно, некоторые кандидаты не выдерживали психологического давления, падали в обморок, и их уносили прочь. Е Цзюньшу оставался невозмутим, как скала, полностью сосредоточившись на каллиграфии. Едва он отложил кисть

и тушь на листах успела хоть немного подсохнуть, как явились стражники собирать работы. Юанькао завершился!

Е Цзюньшу выдохнул. Он сделал всё, что было в его силах, и теперь успех или поражение зависели лишь от этого момента. Он собрал свои вещи и, когда чиновники объявили о выходе, вместе с людским потоком покинул экзаменационные ряды.

Цзычжоу заметил, что большинство кандидатов выглядели удрученными и хмурыми. Кто-то сокрушался из-за плохо написанной работы, а кто-то просто вымотался за три дня в суровых условиях — лица у всех были бледными, люди буквально шатались от усталости.

Е Цзюньшу чувствовал, что и сам выглядит не лучше. Физическая усталость была пустяком по сравнению с ментальным истощением — казалось, из него выкачали все силы. Ноги заплетались, голова шла кругом, но одновременно с этим пришло чувство невероятного облегчения от сброшенного груза ответственности. Все эти ощущения смешались, заставляя его чувствовать себя совершенно разбитым. Если уж он, имея за плечами годы закалки боевыми искусствами, так себя чувствовал, то каково было хилым книжникам?

На выходе из павильонов слепящее солнце, бурлящая толпа и несмолкаемый гул голосов окончательно вскружили ему голову. Это была настоящая пытка.

— Цзычжоу! Цзычжоу! Сюда! Сюда!

Присмотревшись, он увидел за плотным кольцом людей Цинь Яоляня, который изо всех сил махал рукой, надрывно кричал и подпрыгивал, чтобы друг его заметил. Е Цзюньшу с трудом пробрался сквозь толпу. Учитель и двое наставников были на месте. Кроме шицюна, там уже стояли несколько сокурсников. Е Цзюньшу было так плохо, что у него не было сил даже думать о том, кто еще не вышел.

«Откуда у шицюна столько энергии? Неужели у простодушных людей всегда так?» — гадал Цзычжоу.

От собственного тела исходил едкий, кислый запах пота, ставший почти невыносимым. Сейчас он мечтал только об одном: вымыться и проспять три дня и три ночи. Спустя какое-то время учитель наконец произнес:

— Все в сборе, возвращаемся.

Шицюн тут же потащил его к повозке. К этому моменту Е Цзюньшу немного пришел в себя, и у него нашлись силы перекинуться парой слов с другом. Вскоре они добрались до своего жилья. Учитель и остальные, имея богатый опыт, заранее подготовили горячую воду и дымящуюся лапшу в бульоне. Е Цзюньшу смыл с себя грязь и запах, почувствовав блаженную свежесть, выпил миску горячего супа и, добравшись до кровати, мгновенно провалился в сон.

Когда он снова открыл глаза, тело было полно сил, а разум — ясен. Он чувствовал себя обновленным, словно прошел через обряд очищения костей и промывания жил.

— Ох!

Едва открыв глаза, Е Цзюньшу вздрогнул от испуга: прямо перед ним нависло чье-то лицо в гигантском масштабе. Он чуть было не отвесил незваному гостю оплеуху, лишь в последний миг подавив инстинктивное движение.

— Шицун, ну зачем так пугать?

Знал бы он, как близок был к тому, чтобы получить по физиономии!

Цинь Яолян заморгал с самым невинным видом, какой только можно представить:

— Да разве я пугал? — А затем возбужденно добавил: — Цзычжоу, ты наконец-то очнулся! Ты проспал целые сутки, сейчас уже вечер следующего дня!

Е Цзюньшу выдал спокойное «о» и начал вставать, чтобы умыться и переодеться — в животе уже вовсю гремели барабаны от голода.

Цинь Яолян следовал за ним по пятам в крайне приподнятом настроении. Он без умолку тараторил:

— А ты знаешь? Тот Юй Маолин, ну, который такой крутой... Его вынесли из павильона еще до конца первого тура!

— Какое невезение: в первый же день у него прихватило живот, и к вечеру он был совсем без сил. Стражники побоялись, что он померет, и силой его вытащили. Он не сдал остальные экзамены, так что в списках его точно не будет. Интересно, кому теперь достанется первое место — аньшоу? — с деланным сочувствием вещал Яолян.

Е Цзюньшу замер, услышав новость. Он вспомнил того самоуверенного юношу в «Изящном павильоне», окруженного толпой поклонников... И он даже не закончил экзамен? Заболеть прямо во время испытания — Цзычжоу не верил в такие совпадения. Он скорее склонялся к мысли, что Юй Маолина просто «убрали» конкуренты. Поистине: «дерево, что выше леса, первым ломает ветер».

Тот Юй Маолин, судя по всему, был довольно прямодушен, а талант, намного превосходящий сверстников, сделал его заносчивым. Вероятно, те, у кого на душе было не так чисто, решили ударить по нему первыми.

Путь к вершинам власти через экзамены — это не та дорога, где для успеха достаточно одного лишь таланта. Е Цзюньшу стал еще осторожнее. Если уж смогли подставить Юй Маолина, за которым явно кто-то стоял, то каково придется ему — простому деревенскому парню без связей и покровителей? Стоит кому-то из влиятельных людей захотеть раздавить его, и пробиться наверх станет почти невозможно. Цзычжоу рассудил, что стратегия «прикидываться свиньей, чтобы съесть тигра» подходит ему как нельзя лучше. В повседневных делах и знакомствах теперь нужно было держать ухо востро.

Цинь Яолян продолжал без умолку пересказывать экзаменационные сплетни. Е Цзюньшу диву давался, где тот их выуживал. Сам Цзычжоу проспал целые сутки, чтобы восстановить силы, — неужели шицун ограничился одной ночью, а сегодня с самого утра уже бегал по городу и собирал слухи? Он подумал, что ему стоит поучиться у шицуна такой психологической устойчивости.

Едва Е Цзюньшу утолил голод, Яолян нетерпеливо потащил его на выход. — Снаружи сейчас самое веселье! Наконец-то отмучились, надо как следует развлечься.

— А других братьев не позовем?

— Не стоит, — Яолян скривился и махнул рукой. — Пойдем вдвоем.

Е Цзюньшу не возражал: вдвоем с шицюном было куда комфортнее. Раз выпал такой шанс, нужно было хорошенько изучить Линьфэн и присмотреть какие-нибудь диковинки в подарок детям. Он не видел их полмесяца и уже всю тосковал: послушны ли они, не плачут ли, не капризничают... Как раз сегодня вечером закупит подарки, а завтра на рассвете рванет в уезд Фэнчэн, чтобы забрать их домой.

— Зачем так рано возвращаться? Надо дождаться результатов и тогда уже ехать! — повысил голос Пань Яолян.

Е Цзюньшу повернул голову и наткнулся на выражение крайнего недовольства на лице друга. Оказывается, он и не заметил, как озвучил свои планы вслух.

— Я беспокоюсь за домашних, хочу сначала проведать их, — объяснил он.

Экзамен уже позади, и оставаться здесь не имело смысла. Е Цзюньшу считал, что выложился на максимум, а результат... Что ж, «делай, что должно, и будь что будет». До оглашения результатов оставалось девять дней, и он не хотел ждать так долго.

— Младшие братья под присмотром моего аму, о чем тебе беспокоиться? Все уезжают только после оглашения списка. Ты что, один собрался ехать? Как бы ты ни сдал, нужно увидеть всё своими глазами. К тому же сейчас здесь собралось столько ученых мужей, можно обмениваться опытом, учиться друг у друга. Цзычжоу, это принесет тебе огромную пользу, упустить такое — преступление, — многозначительно произнес Цинь Яолян.

Е Цзюньшу на мгновение заколебался. Разумом он понимал, что остаться полезнее, но дети... После долгих терзаний он всё же позволил себя уговорить.

На улицах было по-прежнему людно. Повсюду мелькали ученические халаты, а одежда простых горожан выглядела чистой и добротной. Не то что в Фэнчэне, где большинство ходило в грубой домотканине с заплатами. Разница была колоссальной.

Цинь Яолян водил Е Цзюньшу на различные собрания. Непонятно как, но он успел познакомиться с несколькими толковыми ребятами и теперь каждый день встречался с ними, чтобы обсуждать поэзию и политику.

Для Е Цзюньшу это был первый опыт подобных литературных встреч. Он находил их любопытными и по-настоящему полезными. Он даже завел нескольких приятелей, с которыми они договорились навещать друг друга в будущем для совместной учебы.

Вернувшись с прогулки, Е Цзюньшу по памяти восстановил свои ответы и показал их учителю. Тот, просмотрев работу, ничего не сказал, и у Цзычжоу заскребли кошки на душе. Он перестал верить в успех: в паре заданий он не был уверен и теперь надеялся только на то, что математика вытянет его баллы.

Дни были расписаны по минутам и проходили очень насыщенно. Постепенно Е Цзюньшу перестал ежечасно думать о возвращении домой. Лишь одно не давало ему покоя: Юй Маолин за все эти дни так ни разу и не появился. Цзычжоу было бы искренне жаль, если бы такой талантливый человек пал духом после неудачи.

Как говорится, «помяни черта...» Возвращаясь с очередной встречи, Е Цзюньшу и Цинь Яолян увидели впереди одинокую фигуру Юй Маолина. Его походка и сутулая спина выдавали крайнюю степень уныния. Е Цзюньшу помедлил секунду, а затем сказал шицюну:

— Брат, иди вперед, я задержусь ненадолго.

Цинь Яолян не заметил Юй Маолиня и сначала удивился, но расспрашивать не стал: — Ну ладно, тогда я пошел.

Несмотря на тесную дружбу, им не обязательно было ходить хвостом друг за другом, у каждого могли быть свои дела.

Когда шицун скрылся, Е Цзюньшу последовал за Юй Маолинем. Он прибавил шагу и вскоре нагнал его. Тот стоял на старом мосту, угрюмо глядя на текущую внизу воду. Е Цзюньшу поправил одежду, подошел ближе и, вежливо улыбнувшись, сложил руки:

— Брат Юй, много о вас наслышан.

Юй Маолинь обернулся. В его глазах больше не было прежней гордости — в них застыла мрачная горечь.

— Я — Е Цзюньшу, ученик из уезда Фэнчэн. В тот день в «Изящном павильоне» именно благодаря вам удалось избежать столкновения с другими кандидатами. Если бы не вы, конфликт мог бы зайти слишком далеко.

Цзычжоу продолжил искренне:

— Я искренне восхищаюсь вашим талантом. То, как вы вдохновенно писали стихи в чайной, произвело на меня неизгладимое впечатление. Не сочтете ли вы за честь для меня стать вашим другом?

Лицо Юй Маолиня выглядело осунувшимся и бледным — видимо, он еще не оправился от того злополучного дня. Он долго и пристально изучал Е Цзюньшу, прежде чем заговорить:

— Е Цзюньшу? Я знаю тебя.

Цзычжоу озадаченно моргнул. Юй Маолинь привычно вздернул подбородок:

— Не ожидал встретить тебя на этом юанькао. Ты — единственный соперник, которого я признаю.

Е Цзюньшу: «???» Подождите-ка... Откуда такие пафосные фразочки в стиле «аниме»? И с каких это пор он стал его соперником?

— Ты на один поток младше меня, но тоже сдал на туншэна в десять лет. Я следил за твоими успехами с того самого времени. Думал, ты забросил путь чиновника, и даже сокрушался, что потерял достойного конкурента. Рад, что ты всё же вернулся на этот путь.

Е Цзюньшу: «...»

Минутку, тут явно какое-то недоразумение. То есть только из-за того, что он тоже стал туншэном в десять лет, у него внезапно объявился такой «заклятый враг»?

Юй Маолинь, нахмурившись, спросил:

— Собираешься участвовать в провинциальных экзаменах (сянши) в следующем году?

— Я три года не брал в руки книг, сил маловато, — ответил Е Цзюньшу. — Даже не уверен,

пройду ли этот уездный отбор. А если и пройду по чистой случайности, то подожду до следующего раза, прежде чем идти на провинцию.

— Вот и славно. На следующей нашей встрече — в уездных, столичных и дворцовых экзаменах — мы сойдемся в честном поединке. Надеюсь, к тому времени ты меня не разочаруешь, — сказав это, Юй Маолинь степенно удалился.

Е Цзюньшу: «...»

«И зачем я только переживал, что он с собой что-нибудь сделает? У меня точно голова дырявая!»

Вскоре настал день оглашения результатов. Все проснулись ни свет ни заря. Глядя на лица сокурсников, можно было без слов понять, как сильно они боятся провала — слишком многие перемудрили ночью и совсем не отдохнули. Е Цзюньшу же рассудил так: дело сделано, волноваться бессмысленно. Поэтому он исправно ел и крепко спал. За завтраком только он да Цинь Яолян уплетали еду за обе щеки. Остальные шицюны сидели как на иголках, едва притронувшись к тарелкам, то и дело поглядывали на дверь и не могли усидеть на месте.

Как только наставники закончили трапезу, один из учеников не выдержал:

— Пойдемте скорее!

Цинь Кантянь, видя, что ребята сгорают от нетерпения, не стал их удерживать. Стоило ему кивнуть, как шицюны пулей вылетели на улицу. Цинь Яолян, заметив это, вытер рот и сказал Е Цзюньшу:

— Цзычжоу, нам тоже пора.

Е Цзюньшу взглянул на небо. Еще и семи утра нет, не слишком ли рано? Списки обычно вывешивают ближе к десяти.

— Зато зайдем место получше!

Цзычжоу подумал, что он прав: когда вывешат списки, набегит тьма народу. Придешь поздно — ищи свищи, когда удастся пробиться к стене. Так они с Цинь Яолянем отправились к управе. У ворот уже столпилось множество учеников, слуг и книгонош. Очевидно, не они одни додумались прийти пораньше ради места в первом ряду. Е Цзюньшу хотел было подождать с краю, но Пань Яолян вцепился в него и потащил в самую гущу.

— Пока людей не так много, надо забивать пятачок. Скоро начнется давка, и мы полдня прождем, пока доберемся до списков.

Видя, с каким трудом шицюн продирается сквозь толпу, Е Цзюньшу взял инициативу на себя и стал прокладывать путь. В толчее и толкотне все разом позабыли о благообразии. Ловко пользуясь каждой щелью в людской массе, Цзычжоу в конце концов вывел Яоляня на передовую. Цинь Яолян встал прямо перед пустой стеной, выпятив грудь, явно довольный своим успехом.

Е Цзюньшу, до этого сохранявший полное спокойствие, невольно заразился общим напряжением. Сердце забилось чуть быстрее. Он невольно задумался: что будет, если он прошел? А если нет?

«Хм... Если прошел — это приятный сюрприз. Если нет — пересдам в следующий раз. В конце концов, я еще молод, бояться нечего!»

Когда человек нервничает, время тянется мучительно долго. Е Цзюньшу то и дело смотрел на солнце, но казалось, что оно застыло на месте. Хорошо, что рядом был шицун, который болтовней отвлекал его, помогая скоротать ожидание. Вдруг кто-то выкрикнул:

— Идут! Идут!

Людская волна качнулась вперед. Цинь Яоляня и Е Цзюньшу едва не размазало по стене. Справа показалась группа стражников, расчищавших путь. Двое из них несли в руках рулоны красной бумаги.

— Разойдись! Поберегись!

Е Цзюньшу и остальные из всех сил старались податься назад, освобождая место. Стражники один за другим плотно приклеили два красных списка к стене и удалились. Толпа хлынула вперед. Стоявших в первых рядах Е Цзюньшу и Яоляня буквально впечатало в списки. Цинь Яолянь, вцепившись пальцами в край бумаги, лихорадочно искал имена, попутно бормоча утешения:

— Цзычжоу, не нервничай, смотри внимательней, твое имя обязательно там есть...

Он начал с самого первого места и вел пальцем вниз, широко раскрыв глаза и шепотом повторяя имя друга.

— Можешь не искать, — вдруг потянул его за рукав Е Цзюньшу.

— Да подожди ты, Цзычжоу, не вешай нос! Мы еще не всё посмотрели! — Яолянь не отрывал взгляда от имен. — Сейчас, еще чуть-чуть, и найдем!

— Нашел, — спокойно повторил Е Цзюньшу.

— Где? Где?! — Яолянь взволнованно схватил его за руку.

Е Цзюньшу указал на третье имя с конца во втором списке. Там четко значилось: «Е Цзюньшу».

Цинь Яолянь пригляделся — и правда! Он тут же залился смехом:

— Цзычжоу, Цзычжоу, ты сдал! Ха-ха-ха! Девяносто восьмое место — не важно, главное, что сдал.

На лице Е Цзюньшу невольно расплылась улыбка: это был настоящий сюрприз. Затем он добавил: — Шицун, ты тоже сдал. Восемьдесят пятое место.

— Что?! — Яолянь резко повернул голову. Его имя действительно красовалось в списке. — А-ха-ха-ха... Цзычжоу, мы оба сдали!

Яолянь совсем обезумел от радости, он обнимал Е Цзюньшу, прыгая и смеясь. Под завистливыми и ревнивыми взглядами тех, кто не нашел себя в списках, они с трудом растолкали толпу и выбрались наружу.

Вид у обоих после такой «битвы» был помятый, одежда перекошена, но это ничуть не портило

им настроения.

— Ха-ха-ха! Мои драгоценные рукописи наконец-то ко мне вернутся! — возопил к небесам Цинь Яолянь.

Е Цзюньшу: «...» «Так и знал, что ты про них вспомнишь».

— Цзычжоу, какой ты умный, так быстро нашел наши имена! — восхищался Яолянь. Сам он смотрел долго и тщательно, но так ничего и не увидел.

— Всё просто: я начал смотреть с самого конца, — невозмутимо ответил Е Цзюньшу.

Он трезво оценивал ситуацию: с их уровнем подготовки, если их имен не было в хвосте списка, надеяться на верхние строчки было бессмысленно. Списков было два: в одном — первые пятьдесят имен, во втором — вторые пятьдесят. Шицун упорно искал в первом списке, так что неудивительно, что он ничего не нашел.

— И то верно, ха-ха!

Е Цзюньшу и Цинь Яолянь, обнявшись за плечи, подошли к Цинь Кантяню. Яолянь сиял от гордости:

— Афу, мы сдали!

Цинь Кантянь повернулся к Е Цзюньшу. Тот выдохнул и с улыбкой произнес:

— Я не подвел ваших ожиданий, учитель.

Обычно суровое лицо Цинь Кантяня смягчилось, и на нем проступила улыбка. Яолянь продолжал ликовать:

— Мы с Цзычжоу всё-таки молодцы! А ты, афу, вечно меня ругаешь. Смотри: у меня восемьдесят пятое место! А Цзычжоу три года не учился и взял девяносто восьмое! Если бы он не бросал учебу, наверняка стал бы первым в списке — аньшоу!

Цинь Кантянь изо всех сил старался сохранять суровое лицо:

— Даже в первую пятидесятку не попал, а уже возомнил, что чего-то стоишь?

Цинь Яолянь ни капли не испугался — он лишь весело похихикивал.

Е Цзюньшу заметил стоявшего поодаль в одиночестве Юй Маолиня, но подходить и здороваться не стал. Ему было искренне жаль этого парня: если бы тот смог дописать экзамен до конца, звание аньшоу (первое место), несомненно, досталось бы ему. Увы, на первой строчке красовалось чужое имя, а Юй Маолинь из-за досадного происшествия остался вовсе без места в списке.

Вскоре один за другим вернулись остальные сокурсники. Вид у них был понурый — судя по всему, никто больше не прошел. Е Цзюньшу бегло пробежал глазами по рядам — и впрямь, знакомых имен не прибавилось. Радостные победители тут же притихли, стараясь не выказывать своего триумфа слишком явно.

Пань Яолянь негромко кашлянул:

— Ну как дела, братья?

Фэн Лисун и другие лишь горестно покачали головами. На их лицах читалось глубокое уныние.

— Не прошли, — выдавил Фэн, а затем, заставив себя улыбнуться, добавил: — Поздравляем младших братьев с успехом.

Очевидно, они уже приметили их имена в конце списка.

Цинь Кантянь веско произнес:

— Не прошли в этот раз — пройдете в следующий. Что за кислые мины? А ну, взбодритесь!

— Да, учитель... — вяло отозвались ученики.

Опасаясь, что дальнейшие поучения окончательно добьют ребят, Цинь Кантянь распорядился:

— Раз результаты объявлены, возвращаемся немедленно.

Все дружно вернулись в дом. Поскольку каждый планировал уехать сразу после оглашения списка, вещи были уже собраны. Вскоре они уже сидели в повозке, державшей путь домой. У Е Цзюньшу и Цинь Яоляня на душе пели птицы, но, щадя чувства провалившихся товарищей, они сдерживали свои порывы.

Е Цзюньшу чувствовал необычайную легкость. Он представлял, как обрадуются дети, услышав добрую весть, как возликует вся деревня Ецзяцунь... Он не подвел надежд покойных родителей. «Ключ» к дверям карьеры наконец-то был у него в руках. Получив звание сюцая, он формально вошел в сословие ши (ученых мужей). Это было прекрасное начало. Е Цзюньшу верил: дайте ему время, и он сумеет занять свое место под солнцем в этой эпохе.

Путь длиной в сутки пролетел незаметно. Когда показался знакомый уездный город и родные пейзажи, на сердце у Цзычжоу стало спокойно. Пусть Фэнчэн выглядел серым и невзрачным, но здесь был его дом, его корни. Каким бы шумным и нарядным ни был внешний мир, только здесь он чувствовал, что по-настоящему вернулся.

В городе группа разделилась. Когда остались только Е Цзюньшу, Цинь Яолянь и учитель, они переглянулись и одновременно прыснули от смеха — радость больше не нужно было скрывать. Яолянь развалился на сиденье:

— Ох, эти два дня я чуть не лопнул! Так хотелось радоваться, а приходилось лицо кирпичом держать.

— Нужно ведь было уважить чувства старших братьев, — заметил Е Цзюньшу.

Если бы они ликовали слишком сильно, это лишь распалило бы зависть. Цзычжоу и так кожей чувствовал растущую неприязнь со стороны Фэн Лисуна.

— Ну а нам-то разве нельзя хоть немного порадоваться своему успеху? — проворчал Яолянь, но, завидев родные ворота, тут же вскочил и спрыгнул на ходу: — Аму! Аму!

Е Цзюньшу спрыгнул следом. Он тоже сгорал от нетерпения увидеть малышей.

— Аму, мы с Цзычжоу оба стали сюцаями! — Яолянь крутился вокруг своего аму, словно хвастливый ребенок.

Но Е Цзюньшу уже ничего не слышал. В его глазах были только дети, которых он не видел целый месяц.

— Старший брат! Брат приехал!

— Гэгэ!

Малыши с радостными криками бросились к нему. Е Цзюньшу присел, широко раскинув руки, и дети, словно ласточки в гнездо, прильнули к нему шумной, тесной гурьбой.

— Гэгэ, я так скучал!

— Брат, и я, я тоже очень-очень скучал по тебе...

— Брат...

Дети наперебой изливали свою тоску. Цинь-гэр и близнецы не выдержали и расплакались, даже у серьезного Лу-гэра скатилось несколько слезинок. Кое-как обнимая всех сразу и глядя в эти родные, полные преданности личики, Е Цзюньшу и сам почувствовал, как защипало в носу:

— Брат тоже по вам скучал!

Сяо Шань стоял чуть поодаль, во все глаза глядя на Е Цзюньшу. Хоть он и мнил себя уже взрослым, в этот миг он тоже был не прочь обнять брата.

Утолив первую жажду встречи, Е Цзюньшу с улыбкой объявил:

— А теперь слушайте хорошую новость: ваш брат стал сюцаем!

— О-о-о! Брат такой крутой! — дети захлопали в ладоши и запрыгали от восторга. В их глазах читалось безграничное обожание.

Тут в круг влез Пань Яолянь:

— А ваш брат Яолянь тоже стал сюцаем!

Как и ожидалось, дети снова заголосили: «Брат Яолянь — герой!», одаривая его восхищенными взглядами. Яолянь довольно захекекал. Е Цзюньшу невольно покосился на него, почувствовав укол легкой ревности.

Когда первые восторги поутихли, Е Цзюньшу начал прощаться с учителем и его семьей. Ему хотелось скорее попасть домой и лично сообщить радостную весть старосте дядюшке Жуну и остальным. Цинь Кантянь отнесся к этому с пониманием и не стал его удерживать. Шиму было жаль расставаться с детьми, но он всё же помог собрать их вещи и распорядился, чтобы повозка отвезла их в деревню.

Цинь Яолянь ухватился за борт повозки:

— Цзычжоу, ты обязательно должен прийти ко мне на пир в честь успеха! И когда сам будешь праздновать, не забудь меня позвать!

— Непременно, непременно, — пообещал Е Цзюньшу. — И учителя с шиму тоже позовем.

Только получив твердое обещание, Яолян нехотя отпустил руку.

Повозка тронулась и, мерно постукивая колесами, покатила в сторону Ецзяцунь.

В повозке дети не желали сидеть смирно: они так и льнули к Е Цзюньшу, наперебой рассказывая на своем детском языке о событиях прошедшего месяца и не забывая при случае ябедничать друг на друга.

Е Цзюньшу то одного потреплет по голове, то другого погладит. Глядя на этих малышей, которые за это время стали еще белее и пухлее, он чувствовал, как на душе становится всё светлее.

В сердце он был безмерно благодарен семье шиму. Похоже, он смыслил в воспитании детей куда больше него: ребята выглядели на редкость здоровыми и крепкими.

Он с улыбкой смотрел на них, и всю дорогу их сопровождали радостный смех и веселое щебетание.

Лошадь бежала куда быстрее вола, так что вскоре они уже въехали в деревню и направились к дому.

Завидев знакомые места, дети разволновались еще сильнее. Хоть шиму и был к ним добр, но их настоящий дом был здесь!

Едва повозка замерла у порога, малыши нетерпеливо посыпались на землю.

— Мы дома! Мы дома!

Заметив соседей, пришедших поглазеть на шум, они сладко здоровались — память у ребят была отменная: даже спустя несколько месяцев они прекрасно помнили, кто есть кто.

— Чжоу-цзы! Чжоу-цзы, сынок!

Аму Мин, услышав новости, примчался со всех ног. Увидев детей, которых не видел столько времени, он разволновался:

— И детки вернулись! Ну и славно, ну и хорошо!

— Мин-аму! — дети радостно бросились к нему в объятия.

— Ох, радость-то какая!

Е Цзюньшу с сияющим лицом произнес:

— Мин-аму, я сдал на сючая.

Услышав это, аму Мин весь задрожал от волнения. Не веря своим ушам, он переспросил несколько раз:

— Правда?

Е Цзюньшу с улыбкой кивнул.

— Предки заступились! Слава предкам! Слава небу! — Глаза аму Миня увлажнились, он то и

дело вытирал их краем одежды. — Я так и знал, что Чжоу-цзы выйдет в люди. Твои афу и аму теперь могут покоиться с миром.

— Нужно немедленно сообщить всем, в нашей деревне наконец-то появился сюцай! У предков над могилами дым столбом! — В возбуждении он уже развернулся, чтобы бежать вглубь деревни.

Е Цзюньшу едва успел его окликнуть:

— Мин-аму, а ключи?

— Ой, да! Гляди, память совсем дырявая! — Он хлопнул себя по лбу, поспешно отдал ключи и припустил прочь, чтобы разнести великую весть по всей округе.

Е Цзюньшу усмехнулся. Стоило ему отпереть дверь, как близнецы и Цинь-гэр вихрем ворвались внутрь и принялись бегать по всем комнатам.

Сяо Шань и остальные принялись выгружать вещи. Уезжая в уезд, они брали с собой совсем немного, но вернулись с целой горой узлов: одежда, игрушки, всякая утварь — всё нажитое за это время. Шиму действительно обо всём позаботился.

Е Цзюньшу пригласил кучера зайти отдохнуть, но тот отказался. Как только вещи были перенесены, повозка укатила.

Цзычжоу оглядел дом. Было довольно чисто — видимо, аму Мин время от времени прибирался, но поскольку здесь несколько месяцев никто не жил, он решил устроить генеральную уборку. С помощью Сяо Шаня и Лу-гэра дело должно было пойти быстро.

Он хотел вынести одеяла на просушку, но солнце уже клонилось к закату, так что пришлось отложить это на завтра.

Е Цзюньшу сменил халат ученого на простую рабочую куртку и штаны. Хм, похоже, его тело снова изменилось — одежда сидела слишком плотно. Видимо, придется снова перешивать или заказывать новое.

Только он засучил рукава, чтобы набрать воды, как в ворота с шумом ввалилась целая толпа.

<http://bllate.org/book/15226/1373392>